



# Штрихи к портрету. ДИАПАЗОН ЛЕОНИДА КУЛАГИНА

Актер Московского драматического театра им.  
Н. В. Гоголя Леонид Кулагин.

Фото В. Рудько.

К ОБРАЗАМ, которые создал на экране Леонид Кулагин, у меня выработалось какое-то свое, чисто личное отношение. На сцене видеть этого актера удавалось реже. Хотя первые впечатления от его игры связаны как раз с театральной постановкой. Лет пять назад театр им. Гоголя играл «Одни, без ангелов» по пьесе Л. Жуховицкого, и Кулагин исполнял в спектакле роль Сергея. Его герой появлялся на сцене вразвалку, мял в руке кепочку, с простецкой ухмылкой разговаривал с профессором, предупреждавшим его, насколько сложен путь медика-исследователя. За внешней нескладностью чувствовалась концентрированная, сметающая преграды сила. Образ в спектакле развился, путь героя был трагичен: Сергей в принципе мог бы многое дать человечеству своими исследованиями, но не в состоянии был дать счастье одному-единственному человеку — любимой женщине. И беспомощность эта шла от знания — герой слишком много начинал понимать, но сквозь внешне бурную его деятельность проглядывала разъяренная волю и энергию рефлексия.

Эта тема, идущая, казалось бы, от каких-то мучивших самого актера вопросов, проявилась и тогда, когда он играл Лаврецкого в фильме Андрона Михалкова-Кончаловского «Дворян-

ское гнездо», и в «Приваловских миллионах», где Кулагин исполнял главную роль, и совсем недавно — в «Самом жарком месяце» Юлия Карасика. Роль у Кулагина была там интересная, значительная, хотя герою его отводилось немного экранного времени. Но недоговоренность только возбуждала интерес к нему. Инженер Саша был другом главного героя — сталевара Виктора Лагутина, прекрасного видел его правоту, но не мог поддержать его протест. Бессилие от знания, невозможность действия из-за слишком интенсивной работы мысли... Напрашивалось определение «гамлетизм». Гамлетизмом страдал тургеневский Лаврецкий, и то об этом, что было в экранных работах актера, начинало казаться кусочками сыгранного в разных обстоятельствах, разорванного, не соединяющегося воедино образа Гамлета.

Поговорил с актером. Выяснилось, ничего подобного. Ему близок совершенно иной шекспировский образ. Но об этом позже.

Откуда же ошибочное впечатление? Отчасти от неизбежной субъективности восприятия — как часто мы видим в произведении искусства именно то, что нам хочется видеть в данный момент. Отчасти — от известной односторонности кино, часто берущего от актера в готовом виде определенные черты его натуры (бывает,

что не самые характерные). — В кино мне, в общем, везет, материал достается разнообразный, но кино все же не может выявить во мне того, что выявляет театр, — сказал Леонид Кулагин.

Диапазон ролей, сыгранных им в театре, очень велик. И это при том, что в театре им. Гоголя артист работает всего 7 лет.

— В 1960 году я окончил в Горьком трехгодичную студию, но из горьковского театра ушел довольно быстро. Актеру не стоит оставаться там, где учился — слишком долго будет на тебя смотреть, как на ребенка, а не как на самостоятельную творческую единицу. Играл в Чите, Ярославле, Брянске. Люблю свой нынешний театр, его главного режиссера Б. Г. Голубовского за то, что режиссер этот позволяет актеру искать самостоятельно. Не диктатор он. С диктаторами трудно. Диктаторы, правда, разные бывают. Иные делают вид, что дают актеру свободу, а на деле железно диктуют избранный ими путь.

Вот такой «скрытый» диктатор — Андрон Михалков-Кончаловский. У него очень интересно работать, фильмы его всегда сделаны на высоком накале, и от актера он требует огромной эмоциональной отдачи. Это безумно интересно — но на таком напряжении долго не сыграешь. Тебя хватает на один дубль. Мне ближе работа «от ума». Бывает —

идешь от чувства, но умом постоянно проверяешь возникшую спонтанно эмоцию. Поэтому я отдаю предпочтение другому замечательному кинорежиссеру — Андрею Смирнову, постановщику «Белорусского вокзала», с которым мне не раз доводилось работать, хотя громкой известности эти работы не получили.

...Другой пример. В театре репетировали спектакль «Белые и черные» по пьесе grossмейстера А. Котова. Я играл первого русского чемпиона мира по шахматам Александра Алехина. Это трагическая фигура, непонятный человек, сложный до чрезвычайности. От ума ли подходил к этому образу, от эмоций ли — трудно сейчас сказать. В ту пору в Москве шел матч Спасский — Петросян. Я симпатизировал Спасскому, мне наиболее близкой казалась манера его поведения. Смотрел, какие страсти, скрытые от постороннего глаза, кипят за шахматной доской. Познакомили меня с grossмейстером Максимом Эйве. В маленькую комнату вошел гигант, навис надо мною своей давящей фигурой и сказал: «Сядьте на диван... Встаньте... Нет, это не Алехин. Алехин был такой...» — и он своей мимикой, жестами показал, каким был мой герой. Взрывчатый темперамент, молниеносные смены настроений — я ухватился за эту подсказку, понял эмоционально, а дальше эмоции подсказали уму, что за человек Алехин...

Из ролей, сыгранных Леонидом Кулагиным на сцене, таллинцам довелось увидеть пока две. Стив в спектакле: «Рок-н-ролл на расвете» и главная роль в сатирической комедии А. Софронова «Карьера Бекетова». Последняя работа кажется мне особенно интересной. Актер раскрылся в необычном качестве.

Бекетов — клеветник. Главный инженер большого завода, с помощью анонимного подсиженного директора и занявший его место. Мелкий человечик.

Но спектакль решен в стиле сатирического гротеска. И Бекетов, сыгранный Леонидом Кулагиным, клеветник грандиозный, вырастающий до глобальных масштабов. Великолепна здесь кулагинская пластика. В определенные моменты (обольщая собеседников) ак-

тер придает своему герою ритм и характер движений роковой обольстительницы.

Феноменальная энергия, опирающаяся на безграничную уверенность в себе. Мелкий пакостник гиперболически увеличивается в размерах, поэтизируя свои действия, обретает какой-то фантастический размах. И чудовищно неправдоподобный, этот образ, столь точно вычерченный актером, абсолютно убеждает!

Так вот, вернемся к Шекспиру... Кулагин сказал:

— Мне близки характеры сильные, но срывающиеся в полную безысходность. Через чтение Достоевского, очень важного для меня писателя, я пришел к мечте сыграть шекспировского Ричарда III, и он стоит в плане, но пока работа над этим спектаклем еще не началась... Я прочел кучу материалов о Ричарде и понял, что Шекспир, мягко говоря, был не вполне справедлив к нему. Захотелось «обелить» короля. Кинулся к пьесе, вчитался — нет, все, что я придумал, идет настолько поперек Шекспира... И тогда я решил, что Ричард думает: «Вы все представляете меня убийцей, злобеем, клеветником». Что же, я буду таким, какого вы ждете». Может, он и хотел бы по-иному жить, но не в состоянии. Вот боковая тема: могу сделать по-другому, но сознательно отказываюсь от этой возможности — и оттого страдаю. Мне дважды, в провинции еще, доводилось играть подобные роли. Первый раз Уриэля Акосту. Мне было 24 года, и я не мог вытянуть до конца столь сложную роль. Потом — чуть постарше — играл Бориса Годунова. Очень хорошо понимал его муки — это не угрызения совести, нет. Это муки непонимания: не убивал я младенца, но не могу доказать этого, потому что вам непременно нужно видеть во мне убийцу... Отсюда, кажется, лежит путь к Ричарду...

Может быть, в хищной грации Бекетова, в его устрашающем порыве к вершинам — любой ценой — было что-то от будущего Ричарда III.

Может быть, режиссер и актер решат эту роль иными средствами.

Как бы то ни было — увидеть Леонида Кулагина в этой роли было бы чрезвычайно интересно.

БОРИС ТУХ.